

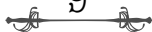
Часть 1
Призрак

О первых нескольких расследованиях по делам о появлении призраков вместе с «Локвудом и Компанией» я распространяться не намерена. Отчасти — чтобы скрыть подлинную личность жертв, отчасти — из-за нежелания подробно описывать ужасные детали тех происшествий, но в первую очередь потому, что, несмотря на все ухищрения, нам так и не удалось полностью довести до конца ни одно из этих ранних дел. Да, это так, и я готова в этом признаться. Ни один из тех ранних случаев не прошел гладко, как мы того ожидали. Хотя нам и удалось изгнать Мортлейкский Ужас — но, увы, не дальше Ричмондского парка, где он, наверное, до сих пор слоняется по ночам среди притихших деревьев. Да, нам удалось уничтожить и Серый Спектр из Олгейта, и явление, получившее название Стучащие Кости, — но только после нескольких (и, по моему мнению, вовсе не обязательных) смертей.

Что же до ползающей тени, что преследовала миссис Эндрюс, подвергая опасности ее рассудок, то эта тень сбежала, но, скорее всего, продолжает где-то болтаться по свету. Так что список наших дел, когда мы с Локвудом прошли туманным осенним днем по дорожке, ведущей к дому номер 62 по Шин-роуд, и позвонили в колокольчик, был далеко не безупречным.

Мы стояли у порога, повернувшись спиной к улице, Локвуд продолжал дергать затянутой в перчатку рукой шнур колокольчика. А я, пока где-то в глубине дома затихало эхо звонка,

рассматривала дверь — вздувшийся пузырями от солнечных лучей лак, облупившаяся краска на почтовом ящике. И четыре ромбовидные панели из матового стекла, за которыми ничего, кроме темноты, не было видно. Крыльцо дома, замусоренное прилипшими к ступеням мокрыми буковыми листьями, выглядело каким-то заброшенным и жалким. Такие же листья усыпали всю дорожку и лужайку перед домом.

— А теперь, — сказала я, — запомни наши новые правила. Не болтай о том, что видишь. Не рассуждай вслух о том, кто кого как и когда убил. И прежде всего — никогда не пытайся перевоплощаться в другого человека. Пожалуйста. Это хорошим никогда не кончается.

— Целая куча запретов, Люси. Не слишком ли много? — спросил Локвуд.

— В самый раз.

— Но я в самом деле отлично умею подражать голосам. Легко скопирую любой акцент.

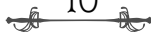
— Вот и славно. Копируй сколько и кого угодно, но только тихо и после того, как уйдешь, а не громко и не прямо перед ними. Особенно остерегайся копировать акцент, когда перед тобой стоит подвыпивший двухметровый ирландский докер-заика, а до ближайшей оживленной улицы не меньше километра.

— Откуда мне было знать, что тот верзила окажется таким проворным, — хмыкнул Локвуд. — Кстати, то, что мы пробежались немного перед работой, даже пойдет нам на пользу. Взбодрит. Ты что-нибудь чувствуешь? — уже серьезным тоном спросил он.

— Еще нет. И вряд ли почувствую, стоя здесь, снаружи. А ты?

Локвуд отпустил шнур звонка, поправил свой воротничок и сказал, оглядевшись вокруг:

— Да, пожалуй. Довольно странно, но в этом саду несколько часов назад случилась смерть. Вон под тем лавровым деревом, что стоит посередине дорожки.

— Надеюсь, ты успокоишь меня тем, что ощутил лишь маленькое посмертное свечение? — Я стояла со склоненной набок головой и закрытыми глазами (так было удобнее прислушиваться к тому, что происходит внутри дома).

— Да, совсем маленькое, — подтвердил Локвуд. — Скорее всего, под тем деревом от лап кошки недавно погибла мышь.

— Ну, смерть мыши к нашему делу отношения не имеет, верно?

— Возможно, что и не имеет, — пожал плечами Локвуд.

За матовыми стеклянными дверными панелями я уловила движение — что-то шевельнулось в черной бездне.

— Кажется, дозвонились, — сказала я. — Она идет. Не забудь о том, что я сказала.

Локвуд нагнулся, чтобы поднять лежащий возле его ног рюкзак. Мы оба слегка отступили от двери и изобразили на лицах любезные, почтительные улыбки.

Подождали. Ничего не произошло. Дверь оставалась запертой.

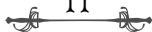
Похоже, что никого, кроме нас, здесь не было.

Локвуд уже открыл рот, собираясь что-то сказать, и в ту же секунду мы услышали у себя за спиной шаги. Кто-то приближался по дорожке, ведущей к дому.

— Прошу прощения! — из тумана появилась женщина. Она шла медленно, но, увидев нас, слегка ускорила шаг. — Прошу прощения! — повторила она. — Я задержалась. Не думала, что вы так быстро откликнетесь.

Она взобралась по ступенькам крыльца. Женщина была средних лет, довольно полная, с круглым, чуть опухшим лицом. Пепельные светлые волосы тщательно причесаны и скреплены над ушами заколками. На ней была длинная черная юбка, белоснежная блузка и мешковатый шерстяной кардиган с отвисшими карманами. В одной руке женщина держала тонкую папку.

— Миссис Хоуп? — спросила я. — Добрый вечер, мадам. Мы из агентства «Локвуд и Компания». Меня зовут Люси

Карлайл, а это Энтони Локвуд. Мы пришли по вашему вызову.

Женщина остановилась на верхней ступеньке крыльца и окинула нас своими серыми глазами — этот взгляд был мне хорошо знаком. В нем читались недоверие, затаенная обида, нерешительность и страх. Обычное дело при нашей профессии, мы давно перестали принимать это близко к сердцу.

Женщина переводила взгляд с меня на Энтони и обратно, оценивая нашу опрятную одежду, аккуратно причесанные волосы, отполированные рапиры, поблескивающие у нас на поясах, и тяжелые рюкзаки, которые мы принесли с собой. Дольше всего она рассматривала наши лица и пока еще не сделала последнего шага к двери, чтобы впустить нас в дом. Свободную руку она опустила в карман своего кардигана, который от этого оттопырился еще сильнее.

— Вас всего двое? — спросила она наконец.

— Только двое, — ответила я.

— Вы такие молодые.

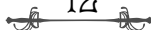
Локвуд зажег на лице свою улыбку — казалось, она озарила этот хмурый вечер своим теплым светом.

— В том и весь секрет, миссис Хоуп. Вы же сами знаете, что так и должно быть.

— На самом деле я не миссис Хоуп, — на лице женщины промелькнула слабая тень улыбки и тут же исчезла, сменившись тревогой. — Я ее дочь, Сьюзи Мартин. Боюсь, что мама не придет.

— Но мы договорились встретиться с ней, — сказала я. — Она собиралась показать нам дом.

— Я знаю, — женщина опустила взгляд на свои изящные черные туфли. — Думаю, она никогда больше не захочет перешагнуть порог этого дома. Обстоятельства смерти моего отца сами по себе были ужасными, но, что еще страшнее, в последнее время каждую ночь... в доме что-то происходит. Прошлая ночь выдалась особенно беспокойной, после чего мама решила, что с нее довольно. Сейчас она переехала ко мне, а этот

дом мы решили продать, но, разумеется, не сможем этого сделать до тех пор, пока не... обезвредим его, — тут она слегка прищурила глаза. — Вот поэтому мы и обратились к вам... Простите, а у вас есть старший инспектор? Я полагала, что при подобных расследованиях обязательно должен присутствовать кто-то из старших инспекторов. Кстати, сколько вам лет?

— Мы уже достаточно взрослые, но все еще достаточно молоды, — с улыбкой ответил Локвуд. — Самый лучший возраст.

— Строго говоря, мадам, — добавила я, — в законе сказано, что присутствие взрослого инспектора во время расследования обязательно только в тех случаях, когда агенты проходят стажировку. Да, крупные агентства действительно всегда присылают на место происшествия взрослых инспекторов, но это их частное дело. Мы же полностью обучены и независимы и потому не считаем присутствие взрослого инспектора необходимым.

— По собственному опыту могу заметить, — любезно сообщил Локвуд, — что, как правило, взрослые только мешают. Что же касается наших лицензий, то, если вам угодно, я готов их предъявить.

Женщина провела рукой по своим гладко зачесанным волосам:

— Нет-нет... В этом нет необходимости. Поскольку мама захотела пригласить именно вас, я уверена, что вы все сделаете как надо.

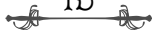
Голос у миссис Мартин был лишен интонаций и прозвучал довольно неуверенно. А затем мы все ненадолго замолчали.

— Благодарю вас, мадам, — я прервала повисшую паузу и выразительно посмотрела на дверь. — Теперь позвольте задать вам один вопрос: сейчас в доме кто-нибудь есть? Когда мы звонили, мне показалось...

Миссис Мартин стремительно вскинула на меня глаза:

— Нет. Это совершенно невозможно. Ключ от дома только один, и он у меня.

— Понятно. Очевидно, я ошиблась.

— Ну хорошо, не стану вас задерживать, — сказала миссис Мартин. — Мама заполнила анкету, которую вы ей прислали, — она протянула Локвуду кожаную папку. — Она надеется, что ее ответы смогут вам помочь.

— Нисколько в этом не сомневаюсь, — ответил Локвуд, засовывая папку куда-то себе под куртку. — Большое спасибо. Да, нам, пожалуй, следует приступить к делу. Скажите вашей маме, что утром мы дадим о себе знать.

Миссис Мартин протянула Локвуду кольцо со связкой ключей. Где-то вдаль, в тумане, просигналил автомобиль, ему ответил другой гудок. До комендантского часа оставалась еще масса времени, однако ночь уже надвигалась и люди начинали тревожиться — всем хотелось поскорее добраться до дома.

Вскоре на улицах Лондона замрет все движение, они погружатся в тишину и туман, клубящийся в лучах лунного света. Но кроме тумана на улицах будет еще нечто, но этого не сможет толком рассмотреть ни один взрослый.

Сьюзи Мартин тоже заторопилась. Она расправила плечи и плотнее запахнула свой кардиган:

— Что ж, пойду и я. Наверное, нужно пожелать вам удачи, — она отвела взгляд в сторону и добавила: — Такие юные! Как ужасно, что наш мир докатился до этого.

— Доброй ночи, миссис Мартин, — сказал Локвуд.

Она не ответила и молча начала спускаться с крыльца. Еще несколько секунд — и ее фигура растворилась в тумане, окутавшем дорожку, которая вела к дороге.

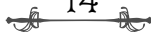
— Она расстроена, — заметила я. — Думаю, что завтра утром они откажутся от наших услуг.

— Значит, все нужно решить сегодня ночью, — сказал Локвуд. — Ты готова?

Я пошлепала ладонью по эфесу своей рапиры:

— Готова.

Локвуд криво улыбнулся, подошел к двери, вставил в замок ключ и театральным жестом повернул его.

Входить в дом, где находится Гость, следует быстро. Это одно из первых правил, которым обучают будущих агентов. Никогда не раздумывай, никогда не мешкай на пороге. Почему? Потому что это последние секунды, когда все еще не слишком поздно переиграть. Ты стоишь перед открытой дверью, в спину тебе дует свежий ветерок, а впереди только тьма, в которой таится неизвестно что, и нужно быть идиотом, чтобы не захотеть плюнуть на все, развернуться и убежать.

И как только ты начнешь думать об отступлении, твоя воля тебя покидает, сердце начинает замирать от страха: *раз!* — и ты проиграл, еще не приступив к делу. Мы с Локвудом оба знали это правило, поэтому медлить перед открытой дверью не стали. Быстро проскользнули в дом, поставили на пол рюкзаки и тихо прикрыли за собой дверь. Потом постояли немного, прижавшись друг к другу спиной, прислушиваясь и осматриваясь по сторонам.

Холл в доме, где до недавнего времени жили мистер и миссис Хоуп, был длинным и довольно узким, хотя благодаря высоким потолкам казался просторнее, чем был на самом деле. Пол здесь был выложен по диагонали черными и белыми плитками. Стены холла были оклеены светлыми обоями, а впереди угадывалась уходящая вверх, в темноту, лестница. Дальний конец холла огибал эту лестницу и тонул в беспросветном мраке. Вдоль обеих боковых сторон холла тянулись вереницы открытых дверей — за ними не было видно ничего, кроме все той же угольно-черной тьмы.

Темноту, разумеется, можно было разогнать, включив свет — вот он, выключатель, прямо под рукой справа от двери. Но мы к нему не притронулись. Видите ли, второе правило, которому нас учат, гласит: электрический свет мешает расследованию. Он притупляет остроту восприятия и делает вас слабым и глупым. Слушать и наблюдать гораздо лучше в темноте. А то, что тебе при этом страшно, — даже хорошо: страх обостряет чувства.

